

Андрей наблюдал за бурей, несущейся в гнетущей темноте, — огромная тень цвета индиго, окутавшая небо, мчалась над неровной ссохшейся коричневой землей. Ветер дул ледяными порывами, донося свежий запах снега, пока буря наконец не зависла над обширной долиной, на краю которой находились разрушенный монастырь и жалкие лачуги, как будто хижины и церквушка скатились по склону и остались лежать там, где упали, неинтересные больше никому, кроме мертвых, покоившихся там в течение столетий.

Андрей пролез под развалинами ворот у стены и стал вглядываться в группу замерзших женщин и детей, жавшихся друг к другу, чьи неясные контуры маячили в мерцании густого мелкого града, уже сейчас, в начале ноября, предвещавшего скорую зиму. Семилетний Андрей не знал, где они находятся, и, даже если бы его отец или мать сообщили ему это, название места ему все равно бы ничего не сказало. За долгие годы отец вместе со своей маленькой семьей исходил страну вдоль и поперек, и в сознании Андрея все без исключения названия городов и поселков, так же как и географические понятия, безнадежно перепутались. Правда, он знал, который сейчас год, но лишь потому, что каждый второй встречный, с кем отец считал нужным заговорить, пытался вычислить предзнаменование этого года, поскольку новость о событиях Варфоломеевской ночи во Франции уже проникла и сюда, в этот отдаленный уголок государства.

— Католики и протестанты одинаково истребляют друг друга, — вполголоса заявил отец, чтобы слышать его могли лишь Андрей с матерью. При этом он, однако, вызываяще ухмыльнулся в сторону людей, сидевших на постоялом дворе и с ужасом слушавших рассказ одного странника о массовом убийстве французских протестантов. — Пришло вре-

мя. По крайней мере они дадут нам спокойно заниматься нашей наукой, суеверные убудки.

— А что, ахимилия — какая-то наука? — спросил Андрей.

— Не просто какая-то там наука, сын мой, — ответил отец. — Алхимия — единственная настоящая наука на свете!

«Единственная настоящая наука» в результате привела их сюда, к развалинам монастыря, в котором не осталось ни одной целой стены и где сейчас большинство зданий представляло собой лишь груды камней, из которых, подобно костям из трупа, торчали гниющие балки, а церковь грозила обвалиться в любой момент. Между пустыми стропилами над нефом церкви небо посылало вниз градины, так что треск доносился до убежища Андрея. Неуклюжая фигура его матери полностью слилась с фигурами других женщин, стоявших возле единственного уцелевшего здания. Если до этого ее коренастое тело легко было отличить от худых и высоких незнакомок, с которыми она смешалась по приказу отца, то теперь Андрей уже не мог понять, кто из них его мать. Он видел, как она передвигалась от одной женщины к другой, общаясь при помощи жестов (так как те говорили на другом языке), поглаживая по голове детишек, и как она наконец остановилась возле одной из них — молодой, с выпирающим круглым животом. Плечи девушки были опущены, и она выглядела такой изнуренной, что, казалось, едва держалась на ногах. В этот момент пошел ливень и тьма еще больше сгустилась.

Андрей беспокойно пошевелился: его неожиданно охватил страх. Внезапно его переполнило ощущение надвигающейся катастрофы. Возможно, в этот момент он заподозрил: какое-то несчастье прокатится по маленькой семье Лангенфелей и раздавит ее.

Сквозь треск мелкого града Андрей неожиданно слышал глухой рык, раздавшийся из глубины уцелевшего

здания. Это был рев готовящегося напасть быка, фыркание рыси, вой волка. Однако Андрей мгновенно понял, что звук этот издавал человек, несмотря на то что в нем не было ничего человеческого. У прятавшегося в убежище у монастырской стены мальчика неожиданно сдавило горло. Он хотел криком предупредить свою маму, но не мог издать ни звука; хотел вскочить и броситься в здание, чтобы проверить, все ли в порядке с отцом, но ноги не слушались его.

Нечеловеческое рычание не прекратилось, даже когда в группе женщин раздался пронзительный крик. Андрей не очень четко видел, *что* разыгрывается перед его глазами. Будь он немного постарше, обладай опытом, который должен был приобрести каждый человек в подобные времена, он увидел бы истинную картину происходящего. Но и без этого реальность не становилась менее ужасной.

Темные, как тени, фигуры разбежались в разные стороны. Между ними находилась еще одна тень, побольше. Она покачала чем-то, размахнулась и ударила одну из тонких убегающих фигур — та выгнулась и упала на землю. Молнии, треск града и темнота вокруг исказили восприятие происходящего. Возможно, Андрею просто показалось, что упавшая подняла руки вверх и взмолилась о пощаде.

*Pitié, pitié, ne faites rien de mauvais!..**

Вероятно, ему привиделось, что большая тень нанесла еще один удар и молящие руки безжизненно упали; и, наверное, тот звук, который доносился до Андрея из какофонии рычания, пронзительных криков и потрескивания, высокий звенящий звук, проникавший в плоть до самых костей, а потом выходящий из тела и падающий на землю, тоже был лишь плодом его воображения.

* Сжальтесь, сжальтесь, не причиняйте зла! (фр.) — Здесь и далее прим. перев., если не указано иное.

*Ayez pitié, épargnez mon enfant!**

Женщины падали одна за другой, как подкошенные: они гибли прямо на бегу, или стоя на коленях и моля о пощаде, или пытаясь уползти прочь. Где находилась мать Андрея, когда началась паника, понять было невозможно. Андрей не осознавал, что после первого же убийства он плотно зажал ладонями уши и начал, как безумный, пронзительно звать ее.

Огромная тень метнулась между своими жертвами, как гигантский темный волк, расплылась перед глазами Андрея и превратилась в фигуру в балахоне с капюшоном, с косой в руках, безжалостно косившую очутившихся у ее ног людей подобно колосьям. Вот она снова перетекла в мрачную тень, схватила одну из жертв за волосы, повалила ее и подняла свое оружие...

Кто-то вскочил на спину тени и стал колотить ее. Тень протянула руку, сбросила напавшего на землю, схватила его за ноги и снова принялась наносить безжалостные удары. Раздавался звук ударов, хруст костей, влажный треск мягких тканей, рев и крики боли. Несмотря на то что Андрей закрыл уши руками, он почему-то слышал все.

Последовал широкий взмах руки, оружие пошло вверх — Андрею показалось, что сквозь мерцание града он увидел след, похожий на сверкающую красную дугу, — и рванулось к первой жертве, которая за все это время так и не выпустила страшную тень.

Андрей только сейчас заметил, что выполз из своего убежища и стоит на открытом месте перед стеной, а острые градины подобно тысячам иголок колют его в лицо. Он вопил, и рыдал, и с такой силой сжимал кулаки, что из-под ногтей текла кровь. Смертоносная тень впереди крутнулась волчком. Кроме малыша, никто не стоял в полный

* Сжальтесь, пощадите моего ребенка! (фр.)

рост на поле битвы. Тень вытащила оружие из тела последней жертвы и, не колеблясь, помчалась прямо на Андрея. Когда она вновь издала звериный рев, мальчик не расслышал его из-за собственного пронзительного крика. Он стоял на месте, как будто потратил все силы без остатка на то, чтобы выбраться из своего убежища.

Тень мчалась сквозь дождь и с каждым шагом сжималась и превращалась из бесформенного чудовища в человека в развевающейся сутане, а из человека в монаха... Предполагаемая коса стала топором, огромная фигура — просто высокой, на которой болталась промокшая от крови и покрывшаяся кристалликами льда ряса. Костлявая преобразилась в молодого инок, который вполне мог быть сыном одной из погибших женщин, только что им расчлененных. Взгляд Андрея упал на лицо приближавшегося убийцы, и обреченный мальчик понял, что тело принадлежало недавно встреченному им молодому бенедиктинцу, однако душа, ранее обитавшая в нем, исчезла. То, что сидело в теле и двигало им, было демоном, и звали демона Безумием.

Монах уже почти настиг его — заляпанная кровью фигура, изо рта которой вылетала пена, а из глаз бежали слезы. Топор был высоко занесен. Андрей знал: еще секунда — и он умрет. Его мочевой пузырь непроизвольно опорожнился. Мальчик закрыл глаза и покорился своей участи.

2

— Все сделаем, как обычно, — заявил отец Андрея, когда они накануне вечером остановились на постоялом дворе. — Я пойду вперед и поговорю с монахами. Уверен, что смогу уговорить их провести меня в библиотеку. Когда я найду Кодекс, то тут же его схвачу; если же я обнаружу у них что-нибудь другое, что сможет принести денег,